

Всероссийская олимпиада школьников
Чукотский автономный округ
Муниципальный этап
2020 – 2021 учебный год
Литература
10 класс

Максимальная оценка – 100 баллов

Время выполнения заданий 5 часов (300 минут)

Задание № 1

Для проведения целостного анализа текста выберите только ОДИН из вариантов текстов, предложенных для анализа.

Вариант 1

Прочитайте рассказ Анны Турусовой «Медовая капелька». Выполните целостный анализ рассказа, приняв во внимание следующие вопросы:

1. Как начало рассказа связано с его основным сюжетом?
2. Какие законы жизни человеческой души открываются в рассказе?
3. В чём смысл финала рассказа и как он соотносён с основным содержанием?

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

(Максимальный балл за выполнение задания – 70).

К сведению: Анна Александровна Турусова (р. 1936) - российская писательница, поэтесса, автор двух книг. Член Союза писателей России, лауреат Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева.

Анна Турусова

Медовая капелька

Моя бабушка была очень набожной. А я росла вездесущей и шкодливой.

— Дождешься, накажет тебя бог. Помяни мое слово, — говорила она.

Какой он, бог, из себя и как накажет, я представить не могла. Ну как? В угол поставит? Ремнем выпорет? Голодом заморит?

Лишиться еды было страшнее всего. Шла последняя военная зима. Лепешка из травяной муки съедалась, как тульский пряник. А при слове «сладкий» мы, как растаявшую карамель, перекатывали во рту слюну и ее же проглатывали.

С нами жил мой двоюродный брат Ваня. Наши отцы воевали. Мамы с детворой сошлись в деревне под бабушкиным кровом — вместе беду бедовать. Ваня мне и шепнул однажды про горшок с медом, который бабушка хранила в чулане. Да-а, он был старше, уже в школе учился — знал, как меня поймать.

О счастье попробовать мед я не мечтала. Мне бы только взглянуть на него и убедиться, что он на свете существует. Но пробраться в чулан, отыскать среди всякой всячины надежно прикрытый горшок, увидеть мед и ни разу не лизнуть его оказалось куда труднее, чем промыкаться голодом целый день. Я макнула в мед указательный палец, прикрыла горшок и воробьем выпорхнула из чулана. Никто меня не заметил — ни мать, ни бабушка, ни мой наводчик Ваня. Бог меня тоже не покарал. До обеда я сосала счастливый палец, после обеда

перекатывала во рту слюну. Один раз я даже высунула перед зеркалом язык. Вдруг стал медово-желтым? Так сладко напоминал он мне вкус меда.

Два дня я лисенком льнула к чулану, на третий — проскользнула туда снова. Намотав на палец густой холодной мед, выскочила в сени, а из сеней во двор. Но когда притворяла дверь, мазнула медом по железной ручке. Стало жалко капельку, тотчас пристывшую к металлу. Пока слизывала мед с пальца, я поняла, в какой опасности нахожусь. Бабушка могла появиться в любую минуту, взяться за ручку двери, прилипнуть ладошкой и догадаться о моей проделке. От страха я чуть не подавилась пальцем. Бабушку боялись даже наши мамы.

Ручка торчала на уровне моего носа. Я подтянулась, чтобы слизнуть медовую капельку. Студеное железо обожгло язык — он пристыл к ручке. Позвать на помощь я не могла — без языка крик не выходил, получалось тихое и мелкое «э-э-э!» Так я стояла с разинутым ртом и жалобно бляяла, как заблудившаяся овца. Я согласна была на любое наказание: стоять в углу, остаться без обеда, оголить какое угодно место для порки — лишь бы кто-нибудь отодрал от коварной дверной ручки. Никто меня не слышал. Попинала по двери, постучала кулачками. Молчание. Я судорожно дышала. Пар изо рта постепенно отогревал металл.

Язык я отодрала сама. Не помню, сколько осталось во рту и сколько на дверной ручке. Помню, что весь день пряталась то в дровах, то в сарае, то еще где-то и скулила от боли. Не плакала, а скулила. Вечером, очоленевшая и смиренная, вошла в избу.

Говорят, беда, как наседка, семь бед высиживает. Так, видно, и водится. Язык мой распухал, горел и ворочался во рту, как большая вареная репа. Чтобы ему жилось вольготнее, я сидела с полуоткрытым ртом. Когда он касался десен или зубов, я подпрыгивала от боли и открывала рот шире. Говорить я не могла. Есть я тоже не могла. Пила осторожными глотками теплую воду. А что за еда — теплая вода?

Дом переполошился. Почему вдруг, ни с того, ни с чего, здоровая девчонка онемела, ходит, отворив рот, и хлеба в рот не берет? День не ест, два не ест...

Бабушка поскребла по сусекам и испекла десяток блинов, настоящих, белых. В деревянной плошке принесла заветного меду. А я не могла откусить. Наверно, это были самые вкусные блины в моей жизни — я же их даже не попробовала. Глазами я их все съела, но исчезали они во рту моего двоюродного брата. Он жевал быстро-быстро, розовый до ушей от удовольствия и такого везения: не было бы счастья, да несчастье помогло. Но счастье было его, а несчастье-то мое. Этого я не могла простить. «Погоди, дождешься, бог тебя тоже за что-нибудь накажет», — грозила я про себя. Выговорить свою обиду у меня не было мочи, и от этого я чувствовала себя еще несчастнее.

Мне щупали лоб и живот, вздыхали, что война, что в деревне нет лекаря, и, наконец, отправили Ваню за знахаркой.

Если бы я в силах была произнести что-то внятное, я, конечно, выдала бы правду. Но я только мотала головой и махала руками. А из этого много ли поймешь?

Бабка-знахарка пришла сразу. Худая, неразговорчивая, зимой и летом одним цветом — в черном с головы до пят. Перекрестилась, поклонилась и направилась прямо ко мне.

— Ну? — бабка поставила меня меж колен, в черные юбочные складки, и положила руки на плечи. Они были сухие и костлявые, как клешни. Я искрутила шею — отворачивала голову то влево, то вправо. Знахарка заметила, что мои глаза упорно убегают от ее взгляда.

— А ну покажь язык, — потребовала она. Я тут же захлопнула рот. Языку стало тесно и больно. Лицо скривилось, будто я проглотила ложку соли. Бабка тут же заподозрила, что моя хворь от шалости. Ее глаза, коричневые, как кофейные зерна, уставились в мои.

— Дай-ка мне что-нибудь острое, — попросила она мою бабушку.

То ли от боли, то ли с перепугу, что мне могут сделать еще большее, я вывесила язык. Кофейные зерна засветились, заиграли, спрятались под седые ресницы.

— Разболокла* ты его однако, — покачала бабка головой.

Конечно, всем тут же захотелось увидеть, как я разболокла язык. Я поспешно зажала его за зубами. Лицо снова стало кислым от боли.

Знахарка достала из черных глубин многоскладчатой юбки тряпичные узелки, из каждого отсыпала, как нюхательный табак, какой-то травы, смешала все и подала бабушке. С

мамами она не разговаривала — вела дело только с главой дома, то есть с бабушкой. Они еще о чем-то пошептались вдвоем, горюнились и крестились.

Мать заваривала эту травку и томила под полотенцем. Когда чай остывал и отстаивался, я полоскала свой многострадальный язык безвкусной и желтоватой водичкой. Спасибо бабке в черном с головы до пят — помогло. Ох уж и выговорила я братцу за все обиды, что накопила за дни молчания! А он все допытывался, за что меня бог покарал. А вот этого я ему не открыла. Стыдно было.

Я и сейчас не знаю, какой он — бог. Никогда его не видела, не слышала. Но так впервые узнала, что есть божьи весы. На одной чаше — мои проделки, на другой — расплата. И всю жизнь убеждалась, что вторая тянет тяжелее.

Примечания:

* **Разболокла** - разболокти или разболочь (устар., сев.) - раздеть, раскрыть оболочку.

Вариант 2

Прочитайте стихотворение Роберта Рождественского «Приходит врач, на воробья похожий...» и выполните его целостный анализ, приняв во внимание следующие вопросы:

1. Каков внутренний мир лирического героя стихотворения? Что с ним происходит?
2. Каков итог лирического высказывания? Находит ли лирический конфликт свое разрешение? Какими поэтическими средствами это выражено?
3. Как воспринимается стихотворение, какие чувства и мысли вызывает?

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

(Максимальный балл за выполнение задания – 70).

К сведению: Роберт Иванович Рождественский (1932 г. – 1994 г.) - советский и российский поэт и переводчик, автор песен. Один из ярких представителей эпохи «шестидесятников». Лауреат Премии Ленинского комсомола и Государственной премии СССР.

Приходит врач, на воробья похожий...

Приходит врач, на воробья похожий,
и прыгает смешно перед постелью.

И клювиком выстукивает грудь.

И маленькими крылышками машет.

– Ну, как дела? –

чирикает привычно. –

Есть жалобы?.. –

Я отвечаю:

– Есть.

Есть жалобы.
Есть очень много жалоб...
Вот, – говорю, –
не прыгал с парашютом...
Вот, – говорю, –
на лошади не ездил...
По проволоке в цирке не ходил...

Он морщится:
– Да бросьте вы!
Не надо!
Ведь я серьёзно...

– Я серьёзно тоже.
Послушайте, великолепный доктор:
когда-то в Омске
у большой реки
мальчишка жил,
затравленный войною...
Он так мечтал о небе –
синем-синем!
О невозможно белом парашюте,
качающемся
в тёплой тишине...
Ещё мечтал он
о ночных погонях!
О странном,
древнем ощущенье скачки,
когда подпрыгивает сердце к горлу
и ноги прирастают к стремянам!..
Он цирк любил.
И в нём –
не акробатов,
не клоунов,
не львов, больших и грустных,
а девочку,
шагающую мягко
по воздуху,
спрессованному в нить.
О, как он после представлений клялся:
«Я научусь!
И я пойду за нею!...»
Вы скажете:
– Но это всё наивно... –
Да-да, конечно.
Это всё наивно.
Мы –
взрослые –
мечтаем по-другому
и о другом...
Мечта приходит к нам
ещё неосязаемой,
неясной,
невидимой,

неназванной, как правнук.
И остаётся в нас до исполненья.
Или до смерти.
Это всё равно.
Мы без мечты немислимы.
Бессильны.
Но если исполняется она,
за ней – как ослепление –
другая!..
Исполнилось лишь самое начало.
Любовь исполнилась
и крик ребёнка.
Исполнились друзья,
дороги,
дали.
Не все дороги
и не все друзья, –
я это понимаю!..
Только где-то
живут мечты –
наивные, смешные, –
с которых мы и начали мечтать.
Они нам в спины смотрят долго-долго –
вдруг обернёмся
и «спасибо!» скажем.
Рукой взмахнём:
– Счастливо!..
Оставайтесь...
Простите за измену.
Мы спешим... –
Но, может, это даже не измена?!

...А доктор
собирает чемоданчик.
Молчит и улыбается по-птичьи.
Уходит.
И уже у самой двери
он тихо говорит:
– А я мечтал...
давно когда-то...
вырастить
овчарку...
А после
подарить погранзаставе...
И не успел... –
Действительно, смешно.

Задание № 2

Накануне 1 сентября в одном из учительских интернет-сообществ разгорелся спор об уместности нестандартного оформления тетрадей по русскому языку. Кому-то такое оформление показалось вульгарным, кому-то – юмористическим, кто-то счёл его насмешкой над классикой.

Предложите свой вариант оформления тетради по литературе для 9-11 класса. Представьте, что вы сотрудник издательского холдинга и работаете в подразделении, отвечающем за выпуск тетрадей, альбомов, блокнотов и т. п. Объясните художнику-оформителю свою концепцию обложки и опишите её конкретные характеристики (это может быть либо устное выступление на совещании, либо письменная инструкция / докладная записка – на ваш выбор).

Уделите особое внимание следующим вопросам (чётко объясните каждое своё решение):

- Смысл и настроение: на какие эмоции рассчитана обложка и как она содержательно связана (или не связана) с литературой?
- Какие компоненты рисунка вы считаете обязательными? (Портреты писателей? Обложки книг? Афиши фильмов или спектаклей по литературным произведениям XX века? Репродукции картин? Символические изображения?)
- Текстовая часть изображения: нужна она на обложке или нет? Почему? Если текст должен быть, то какой именно?
- Дополнительные элементы оформления тетради (дизайн страниц, поля, разлиновка и т. п.).

Объём работы – примерно 200–250 слов.

(Максимальный балл за выполнение задания – 30)